

— Я не могу играть отрицательные роли, — улыбается народная артистка, режиссер, актриса и автор песен Иванова. — Мне предлагали в картине “Белый Бим Черное Ухо” сыграть женщину, которая сдает собак живодерам. Категорически отказалась, как ни уговаривали. Зато в ролях как бы отрицательных я всегда пытаюсь найти что-то человеческое, простить героине ее недостатки. Я вхожу в их положение. Моя Шура из “Служебного романа”, например, дурная, но добрая. Даже в “Зависти богов”, помнишь, когда французы ушли, я говорю: “А какие у переводчика глаза синие!” То есть вдруг эта свекровь в буклях заговорила как женщина. И когда такой ход не прописан, очень важно его найти.

Борьба за рождаемость

В квартире Ивановой всегда толпятся люди. Поэтому разговаривали мы с лирическими отступлениями про выпускной спектакль, роды и тяжелое материальное положение молодых артистов. Только ушли студенты, как пришел директор театра, а следом актриса с грудной дочкой. На фоне всей этой пестроты невозмутимо пил кофе муж Людмилы Ивановны, доктор физико-математических наук, бард и писатель Валерий Миляев.

— Это что за настроение такое? — Людмила Ивановна по-матерински журит молодую актрису, которая слегка на взводе. — Подработаешь клоуном, снимешься... Ты сделала главное дело в жизни — родила! Ты как ее, красавицу нашу, назвала? Василисой? А коротко Васька, что ли?..

— Вот видишь, — обо-

“Депардье чудный дядька!”

рачивается уже ко мне, — мы в театре боремся за рождаемость! О чем я начала? Об искусстве!

Сейчас много ставят в угоду публике. Я даже не о художественности говорю, а о нравственности. Побывала вот на одном спектакле (между прочим, ставили классику) и после спрашиваю у двух милых, интеллигентных девушек: “Что вы поняли? Что, вам кажется, хотел донести режиссер?” “Что в жизни ничего нет, только одна похоть есть”, — ответили они.

— Вы про “Анну Каренину” сейчас?

— Не буду говорить! Я лучше расскажу, какое у меня счастье! Зритель в наш театр “Экспромт” идет маленький, в первый раз с мамами, папами. Приходят, например, на “Золушку” и видят не “ход режиссера”, в котором героиня достанет левой пяткой до правого уха, а обычную “Золушку” с музыкой Шуберта. Мы приушаем их к хорошему. И это мое счастье. У нас идут прекрасные сказки “Маша и медведь”, “Оловянный солдатик” с музыкой Грига, “Машинки сны”, для старшеклассников поставили мюзикл “Доходное место”. В этом году замахнулись на “Пиковую даму”. Вчера играла “Маменьку”.

— Про маму Гоголя?

— Совершенно верно. Однажды я подумала: если писатель такой гениальный, какой же была его мама? Выяснилось, что она играла в домашнем театре князя Трубецкого, имела успех, была красавицей и очень любила своего Коленьку. Я написала пьесу “Маменька” и теперь ее играю. Делаю то, что считаю нужным, и получаю от этого огромное удовольствие. Я последовательница Ефремова, а он всегда говорил: “Ставьте себе нравственные цели и задачи, без этого даже не прикасайтесь”.

Молодая актриса продолжает повествование про свой тяжелый быт, и Людмила Ивановна радостно подхватывает:

— Зато как ты после родов похорошела! — и... весьма ощутимо сжимает мое колено под столом.

— Вы прекрасно выглядите, — “подпеваю” я.

— Людмила Ивановна, а ваши судебные эпопеи закончились? (Соседи не испытывают особых восторгов от театра “Экспромт” и не первый год таскают Иванову по судам, жалуюсь на шум и т.п. — Е.М.)

— Нет. В двенадцатый раз в суд пойдем. Ну и бог с ними. Мы уже что только не сделали! Под ними уже не работаем, только декорации сложили, хотя у нас там зеркальная стена... Уже и так тише воды и ниже травы. Вот и получается, я ставлю одни задачи, а они другие. Как в классике — кто победит? Но мы пока держимся.

В “Крутом маршруте” много марширующих женщин. Но особенно притягивают внимание две. Ахеджакова, которой великовата тюремная роба, и поэтому она кажется грустным тряпичным клоуном. И ЛЮДМИЛА ИВАНОВА, по-деревенски покрытая платком и старательно вышагивающая, как большая нескладная медведица. Она играет колхозницу, которую взяли за троцкизм. Ее героиня по темноте своей говорит “трахтизм”, подозревая некую связь ареста с тракторами... Вот улыбнешься на “трахтизм”, а потом, сам не ожидая от себя, заплачешь, будто кто-то дернул за нужную струнку души. Так умеет только мастер.

СЧАСТЬЕ

БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЬ

“Мягков! С вас 50 копеек!”

— Вы были депутатом...
— Два раза.
— Что так потянуло во власть?
— Я всегда занималась общественной работой. Шесть лет была первым секретарем парторганизации театра “Современник”. У нас в парторганизацию, между прочим, входили только хорошие артисты — Ефремов, Евстигнеев, Табаков, Щербаков и я. Потом я родила

Людмила ИВАНОВА:

“Я так и не смогла отнять у Депардье баранью ногу!”

ЕЛЕНА МИХАЙЛИНА

и передала бразды правления. Еще я была председателем месткома. А депутатом Басманного района сначала была Волчек, она и порекомендовала меня. “Ты поможешь людям”, — сказала мне Галя. И действительно, из меня получился неплохой депутат. Я помогла получать жилье в сложных случаях. Кроме того, у меня была статья “досуг населения”, и я открыла театр “Экспромт”. Поначалу мы играли вообще в райисполкоме. Я подумала: “Почему он пустует?” В рабочие дни, понятное дело, заседания, а в выходные — пустой! Потом мы оттуда уехали сюда и переделали под театр мою приемную. Зал, конечно, маленький, зато место хорошее — Чистопрудный бульвар. В Харитоньевском переулке когда-то жил маленький Пушкин. Я даже родителям советую детей туда на прогулку водить — может, и они стихи писать начнут!

— Не надо! — Молодая актриса отказывается брать крупную купюру, протянутую Людмилой Ивановой.

— Когда рождается ребенок, государство всегда дает... как это называется... пособие... Вот считай, что это пособие, — безапелляционно говорит Иванова.

Все улыбаются. Кажется, даже маленькая девочка с коротким именем Васька растянула свои губки в улыбку.

По следам Бубликова

— В рамках своей общественной нагрузки в “Современнике” приходилось, как в “Служебном романе”, кричать: “Мягков! С вас 50 копеек”?

— Обязательно. Я отлично помню, что, когда Галя Волчек родила Дениса, мы ей собирали на голубую коляску, а потом на голубое одеяло. У нас был замечательный местком. Там бывали и Толмачева, и Кваша и никогда не стеснялись этой должности. Можно же очень много хорошего сделать — добиться, чтоб повысили зарплату, подали на звание...

— Значит, Мягков все легендарные фразы слышал до съемок?

— Слышал. Мы с Мягковым работали 15 лет и с его женой сидели в одной гримерной, поэтому очень тесно общались. Кроме того, мы играли в “Обыкновенной истории”, я — Любецкую, а он ужасно влюбленного в мою дочь и страдающего Одуева. Но в первый съемочный день “Служебного романа” Мягков мне сказал: “Никогда не думал, что у тебя такой противный голос”. Наверное, в спектакле я другим голосом говорила... Но Шура во мне жила, потому что я с таким наслаждением играла эту роль! Я в нее вступила сразу, как в реку.

— Вашу Шуру при монтаже здорово “порезали”?

— Когда мы заканчивали картину, у меня как раз был день рождения. И вырезанные кадры, не вошедшие и не озвученные, мне подарили. Я там, увидев “ожившего” Бубликова, бегу и истошно ору: “Помогите, спасите, спрячьте меня! Это все перепутали в больнице, умер однофамилец, а позвонили нам. А мне что делать? Я за общественные деньги оркестр заказала и венки купила... Я бы сама померла, честное слово, да фамилия другая, на ленте не подойдет!” Яркая сцена, жаль, что вырезали.

А Рязанов на день рождения подарил мне большой букет пионов, который не знаю, где и взял. Но меня с этими цветами не выпускали с

“Мосфильма”, потому что кто-то во дворе ободрал клумбу с пионами, и они решили, что это я. Съёмочная группа, конечно, за меня вступилась, объясняли дежурным, что у меня день рождения, и они этот букет купили мне в подарок. Но я думаю, ободрали-таки клумбу!

— В “Зависти богов” вы работали с Депардье, как он вам?..

— Ой, это мой любимый артист! Депардье чудный дядька! Он очень, видно, любит поесть, как и я. А в фильме я должна была его угощать. Положили на блюдо баранью ногу, а он как начал ее есть! Мне шепчут: “Мила, отодвинь ее от него, чтобы на второй дубль осталось!” — “Не могу, — говорю. — Пусть ест!” Он совсем не звездил, репетировал, сколько требовали, очень душевно играл свою маленькую роль. У меня тоже роль там совсем небольшая, но, вероятно, я с таким восторгом на него глядела... И Жерар все время ко мне подходил и трижды меня целовал. Вся группа только и восхищалась: “Опять к Ивановой идет целоваться!”

— Вы большая актриса, он — большой актер, чего вы им так восторгались?

— Я вообще всегда восторгаюсь хорошими артистами. На днях смотрела программу Вульфа о Ефреме. Я так восторгалась, боже мой! Это же гениальный актер! А Евстигнеев Женя — это же чудо природы. Люблю Бельмондо, Ришара...

Трамвай-желание

— Я очень счастливый человек. Иногда думаю, может, я такая счастливая, что мне многого и не надо? Мы с Галей Волчек учились на одном курсе и потом дружили. А Галя сама всегда очень хорошо одевалась и следила, чтобы все одевались со вкусом. Начинается сезон, она мне говорит: “Мила, у тебя юбка есть?” — “Есть, — говорю, — во...” — “Мила, это не юбка!” (Смеется.) А мне на самом деле много не надо, поэтому я всегда счастливая.

— Кажется, такие женщины, как вы, постоянно попадают в смешные ситуации.

— Я очень рассеянный человек. Мне муж машину водить не разрешает, потому что я забываюсь. Раньше с продуктами плохо было, а у меня два сына, муж, собака, поэтому покупала всегда много. Перед репетицией я хронически стояла в очереди за мясом. Но ведь надо еще успеть все домой отнести! Однажды затарилась, как всегда, и думаю: пройду с сумками одну остановку и на Грузинской сяду на пятый номер трамвая. Жду трамвай. 15 минут проходит, 20 истекло, уходит уже обидно, ведь по закону подлости только отойдешь — и вот он, трамвай. Идет Леша Кутузов, актер нашего театра, видит меня, подходит: “Мил, а ты чего тут стоишь?” Я объясняю, что жду трамвая, потому что надо успеть оттащить домой сумки и так далее. “Мил, — очень мягко сказал Леша. — Посмотри, тут рельсы разобрали два месяца назад”.

А как я колотилась в эту дверь в Германии! Там мы для наших военнослужащих играли спектакль “Вечно живые”. А я в одной сцене выхожу через дверь и говорю: “Володя, радость-то какая...” Играем, я стою на незнакомой сцене перед дверью, волнуясь, представляю, шагаю к двери и... кошмар! Она заперта. Рву ее на себя: “Замуровали! Я не могу выйти на сцену! Помогите!” И тут сзади даже не смех, а какое-то бульканье. Красный от смеха Леша Кутузов взял меня за плечи и вытолкнул в соседнюю дверь. Я ее даже не видела.

— Вы уже раз пятьдесят повторили фразу: “Я счастливый человек”. Наверное, и правда счастливый.

— Есть люди, которые все время думают, что им что-то недодали, им не повезло. У меня все наоборот. Я думаю: “Ой, как хорошо! Опять что-то получилось”.

— Давно не снимались?

— Давно... Хотя нет, тут Чиков позвонил! Я у него работала в фильме “Про бизнесмена Фому” с покойным Евдокимовым. Так вот он звонит и говорит: “Людмила Ивановна, я виноват, я всегда хотел снимать вас много-много, но так получилось (режиссеры всегда так говорят)... А сейчас снимаю новогоднюю историю”. — “Извините, — говорю. — У меня камни из почек идут, поэтому не могу”. Так они приехали ко мне сюда, привезли ворох костюмов, ну раз такое дело... Согласилась. Можешь себе представить, ветер продувной, а я стояла в подворотне три часа! А! В “Фитиле” снялась недавно! Мне сказали, что надо постоять и пройти четыре шага. Так вот эти четыре шага снимали четыре часа! (Блистательная Людмила Иванова уже несколько лет не может ходить без костылей, у нее серьезная проблема с ногами.)

— Вы москвичка, дочь профессора и рафинированной столичной театралки. Откуда появилась ваша шикарная героиня — колхозница из “Крутого маршрута”?

— Мой папа был географом и одним из первых полярников. Слава Богу, он не сидел. Слава Богу, успел устроиться в далекую экспедицию, а то случилось бы страшное. Потому что папа, совсем молоденький научный секретарь, участвовал в спасательной экспедиции на ледоколе “Красин”. Уже потом, когда я ездила на встречу с потомками участников экспедиции, выяснилось, что всех, кто тогда работал с отцом, уничтожили. Постепенно. Считалось, что это секретный военный путь и чем меньше свидетелей, тем лучше. Знаешь, как некоторые говорят, что ничего не знали. Я знала. Я была маленькой девочкой, но чувствовала, как тревога витает в воздухе. Мне 6—7 лет было, но я видела, как опечатают квартиры и моих подруг увозят в детские дома.

Однажды я даже спросила: “Мам, а у Сталина есть жена?” “Он ее застрелил”, — сказала мама. У папы такое лицо стало, что разговор свели на нет.

Так что тема понятна. Бабушки у меня были крестьянками. И вообще мне очень близки почему-то деревенские женщины. Я их сразу умею играть, почему — не знаю. Я и пишу про них. Это мое навеки...